

Е.А. Андрущенко

**«ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, НЕСУЩЕСТВОВАВШЕЕ...»
(«ДОМ ТУРБИНЫХ» В. НЕКРАСОВА)**

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат самому В. Некрасову и сказаны им в очерке «Дом Турбиных» (1967). Писатель вошел в историю русской литературы как выдающийся автор военной прозы, его повесть «В окопах Сталинграда» (1946), а также ряд военных рассказов открывали читателю горькую «окопную» правду. Л.И. Лазарев, автор небольшой справочной статьи о писателе, заметил: «Все мы вышли из некрасовских окопов» [1, с. 493]. Нас же интересует другая сторона писательской личности В. Некрасова. Как известно, он родился в Киеве, много лет прожил в этом городе, учился – сначала в железнодорожно-строительной профшколе, а потом в Киевском строительном институте, в театральной студии при киевском Театре русской драмы, работал архитектором, актером, театральным художником. Одна из его статей, посвященная советской архитектуре, была названа «О прошлом, настоящем и чуть-чуть о будущем: Заметки об архитектуре» (1960). Представляется глубоко симптоматичным созвучие этого названия и слов, сказанных писателем о булгаковском творчестве, которое он осмыслял, на наш взгляд, не столько как писатель, сколько как писатель и гражданин. Если в статье В. Некрасов из настоящего смотрит в будущее, сокрушается по поводу безвкусицы советской архитектуры и болеет о том, что будет с нашими городами, когда они наполнятся однообразными типовыми строениями, то в «Доме Турбиных» позиция автора иная: из своего настоящего он смотрит в прошлое, «несуществующее».

Семантика названия очерка отсылает нас к известному булгаковскому произведению, которое автор не только читал, как читал потом и «Белую гвардию», но и многократно смотрел на сцене. На первый взгляд, перед нами очерк автобиографический, в другом случае мы бы сказали, что автор вспоминает о своем детстве. Так, булгаковскому «Николке Турбину семнадцать с половиною. Мне тоже семнадцать с половиною. Правда, у него на плечах унтер-офицерские погоны и трехцветные шевроны на рукавах, а я просто-напросто учусь в советской железнодорожной профшколе, но все же обоим нам по семнадцать с половиной. И говорит он о Святошине, нашем киевском Святошине, и свет у нас тоже так вот гас, и так же доносилась откуда-то канонада...» [с. 132]. Детали детства рассыпаны в тексте: «И где-то стреляли»; «...нас водили в Николаевский парк перед университетом, и там было всегда полно солдат. Сейчас почему-то их совсем нет, парк стал пенсионерски-доминошным...» [2, с. 133].

Соотнося себя, прежнего, со спектаклем «Дни Турбиных», он замечает: «Я

рос, а Николке все оставалось семнадцать. Сидя, поджав колени, на ступенях мхатовского балкона первого яруса, я по-прежнему чувствовал себя его ровесником. А Алексей Турбин всегда оставался для меня “взрослым”, намного старшим меня, хотя, когда я в последний раз, перед войной, смотрел “Турбиных”, мы были ровесниками уже с Алексеем» [2, с. 133]. Воспоминания детства переплетаются с тем, что молодой зритель видел в театре: «...Электричество зажигается. Гасят свечи. (У нас тоже зажигалось, но гасили не свечи, а коптилки; где Турбины доставали свечи – ума не приложу, они были на вес золота)» [2, с. 133]. В доме булгаковских героев собирались «белые», вызывавшие симпатию, любовь, а семья рассказчика «отнюдь их не жаловала <...> родители мои были из “левых”, друживших за границей с эмигрантами – Плехановым, Луначарским, Ногинным...» [2, с. 134].

В. Некрасов напоминает читателю хорошо известное ему состояние: найти, отыскать ту улицу, тот дом, где жили полубившиеся ему герои. «Важно знать, где жили – точно! – Раскольников, процентщица. <...> Я был сперва разочарован (уж очень привык к этой мысли), а потом обрадован, узнав, что Ростовы никогда не жили на Поварской именно в том доме, где сейчас Союз писателей (тут жила Наташа, а теперь отдел кадров или бухгалтерия...). Причем важно было, где жили и действовали герои, не автор, а именно герои. Они всегда (сейчас, может быть, в меньшей степени) были важнее придумавшего их автора. Впрочем, Растиньяк и до сих пор для меня “живее” Бальзака, как и д’Артаньян – старика Дюма» [2, с. 135]. Но это, казалось бы, глубоко личное отношение к произведениям литературы, накладывается на литературоведческое замечание: «До Булгакова русская литература как-то обходила Киев – разве что Куприн, да и то очень уж довоенный. А тут все близко, рядом – знакомые улицы, перекрестки. Святой Владимир на Владимирской горке с сияющим белым крестом в руках (увы, этого сияния я уже не помню), который был “виден далеко, и часто летом, в черной мгле, в путаных заводах и изгибах старика-реки, из ивняка, лодки видели его и находили по его свету водяной путь на Город, к его пристаням”» [2, с. 135].

Булгаков осознается писателем, который впервые дал русской литературе новое для нее пространство. Правда, он поселил своих героев на улице, которой в Киеве нет, окружив их приметам города, который был, который и теперь есть. В. Некрасов сталкивает читательское представление – «Не знаю точно почему, но я убедил себя, а потом стал убеждать и друзей, которых водил на ту самую горку, что жили они в маленьком домике, прилепившемся к Замку Ричарда. У него веранда, симпатичная калитка в глухом заборе, садик, перед входом один из этих кривулук-кленов. Ну, конечно же, они могли жить только тут. И жили. “Я вам это точно говорю...”» [2, с. 137]

– с профессиональным анализом особенностей архитектуры старого Киева. Здесь он выступает как знаток архитектуры, делающий точные замечания об истории киевских улиц и зданий, а также как художник, умеющий тонко передать чувство, рожденное ими.

Приведем этот фрагмент полностью: «Андреевский спуск – одна из самых “киевских” улиц города. Очень крутая, выложенная булыжником (где его сейчас найдешь?), извиваясь в виде громадного “S”, она ведет из Старого города в нижнюю его часть – Подол. Вверху Андреевская церковь – Растрелли, XVIII век, – внизу Контрактовая площадь (когда-то там по веснам проводилась ярмарка – контракты, – я еще помню моченые яблоки, вафли, масса народу). Вся улица – маленькие, уютные домики. И только два или три больших. Один из них я хорошо знаю с детства. Он назывался у нас Замок Ричарда Львиное Сердце. Из желтого киевского кирпича, семиэтажный, “под готику”, с угловой остроконечной башней. Он виден издали и со многих мест. Если войти в низкую, давящую дворовую арку (в Киеве это называется “подворотня”), попадаешь в тесный каменный двор, от которого у нас, детей, захватывало дух. Средневековье... Какие-то арки, своды, подпорные стены, каменные лестницы в толще стены, висячие железные, какие-то ходы, переходы, громадные балконы, зубцы на стенах... Не хватало только стражи, поставившей в угол свои алебарды и дующейся где-нибудь на бочке в кости. Но это еще не все. Если подняться по каменной, с амбразурами лестнице наверх, попадаешь на горку, восхитительную горку, заросшую буйной дерезой, горку, с которой открывается такой вид на Подол, на Днепр и Заднепровье, что впервые попавших сюда никак уж не прогонишь. А внизу, под крутой этой горкой, десятки прилепившихся к ней домиков, двориков с сарайчиками, голубятнями, развешанным бельем. Я не знаю, о чем думают киевские художники, – на их месте я с этой горки не слезал бы...

Вот такой вот есть Андреевский спуск. Есть и был. На нем ни одного нового дома. Таким – с крупной булыгой, с зарослями дерезы на откосах, с двумя-тремя неизвестно как и для чего посаженными немислимо кривыми, валяющимися прямо на улицу американскими кленами, с маленькими своими домиками, – таким он был десять, двадцать, тридцать лет тому назад, таким он был и в зиму 1918 года, когда “Город жил странною, неестественною жизнью, которая, очень возможно, уже не повторится в двадцатом столетии...”» [2, с. 139]. Думается, это одно из лучших описаний Андреевского спуска в русской литературе. Сама форма воспоминания приобретает вид эссе, когда автор свободно переносится из одного времени в другое, уходит от одной темы к другой, искренне выражает свои чувства.

В. Некрасов анализирует киевские приметы в «Днях Турбиных», и его замечания выдают в нем внимательного читателя и зрителя. Но в центре эссе

находится все же не город, а история посещения «дома» Турбиных, становящаяся, в сущности, развенчанием мифа. Она открывается воспоминанием о том, как в 1965 г. в сознание читателей вошел неизвестный Булгаков, автор «Мастера и Маргариты», «Театрального романа». На это же время приходится и новое прочтение В. Некрасовым «Бега», и попытка найти тот дом, где Николка пел свои куплеты, вынесенные в эпиграф. Писатель создает удивительное описание посещения той семьи, что заняла квартиру «Турбиных», отмечает множество биографических подробностей, включенных писателем в пьесу, а столкновение поэтических деталей пьесы и прозаических реалий жизни рождает комический эффект («Как? Мишка Булгаков – знаменитый писатель? Этот бездарный венеролог – знаменитый русский писатель?») [2, с. 140]).

«Дни Турбиных», по собственному признанию автора, были для него гораздо больше, чем литературное произведение, чем пьеса. В его сознании жил образ того мира, который был ему чрезвычайно мил, близок, который он хотел бы если не вернуть, то ощутить, увидеть. Столкновение представлений о доме Турбиных с тем, что он увидел в квартире, вероятно, служившей прообразом того «Дома», приводит автора очерка к грустному выводу. Думается, только по условиям времени он не пошел дальше, не сказал всей правды о том, вследствие чего и сам писатель, и воссозданный им мир оказались вычеркнутыми из сознания его современников. Наоборот, Некрасов создает иллюзию того, что норма человеческой жизни, изображенная Булгаковым, была понятна и приемлема. Он пишет: «Да, я полюбил этих людей. Полюбил за честность, благородство, смелость, наконец за трагичность положения. Полюбил, как полюбили их сотни тысяч зрителей мхатовского спектакля. А среди них был и Сталин. Судя по протоколам театра, он смотрел “Дни Турбиных” не меньше пятнадцати раз! А вряд ли он был таким уж завзятым театралом...» [2, с. 145]. Эти слова звучат как своего рода оправдание, ведь автор очерка любовно говорит о том, что советскому человеку должно быть чуждо.

Финал очерка, написанный, как и все, что принадлежит перу В. Некрасова, мастерски, все же оставляет впечатление искусственного, вызванного необходимостью. После всего, что сказано о Булгакове, его героях, их ценностях, о старом Киеве, о старом мире человеческой нормы, гармонии, он пишет: «Моя тема – география. Я горжусь (и удивляюсь только, что до меня никто этого не сделал) своим открытием “дома Турбиных” и приглашаю всех, кто посетит Киев, спуститься вниз по крутому Андреевскому спуску до дома №13, заглянуть во дворик (слева, под верандой, прошу обратить внимание на лестницу, это именно там у бедной Василисы по животу прошел холодок при виде прекрасной молочницы Явдохи), а затем подняться назад, через “рыцарс-

кий” дворик Замка Ричарда Львиное Сердце пробраться на горку, усесться на краю ее обрыва, закурить, если куришь, и полюбоваться Городом, который так любил Булгаков, хотя никогда больше в него не возвращался» [2, с. 142]. На самом деле, конечно, В. Некрасов писал о настоящем, «несуществующее» же становится формулой невозможности возвращения поруганного, уничтоженного, безвозвратно утраченного прошлого.

Литература

1. Лазарев Л.И. Виктор Платонович Некрасов / Л.И. Лазарев // Русские писатели 20 века. Биографический словарь [Гл. ред. и сост. П.А. Николаев]. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия, изд-во «Рандеву», 2000. – С. 493.
2. Некрасов В. Дом Турбиных / Виктор Некрасов // Новый мир. – 1976. – № 8. – С. 132 – 142.

Анотація

Андрущенко О.А. «Прошлое, настоящее, несуществовавшее...» («Дом Турбиных» В. Некрасова).

У статті аналізується нарис В. Некрасова «Дом Турбиных», який має багато рис есе. Виявлено, що у форму звичної автобіографічної оповіді вміщено літературознавчу та архітектурну розвідки, а також опосередковану критику сучасної дійсності, протиставлену омріяному світові булгаковського твору.

Ключові слова: нарис, міф, автобіографічна оповідь.

Аннотация

Андрущенко Е.А. «Прошлое, настоящее, несуществовавшее...» («Дом Турбиных» В. Некрасова).

В статье анализируется очерк В. Некрасова «Дом Турбиных», имеющий множество черт эссе. Установлено, что в форму привычного автобиографического повествования вложены литературоведческие и архитектурные наблюдения, а также опосредованная критика современной действительности, противопоставленной миру булгаковского произведения.

Ключевые слова: очерк, миф, автобиографическое повествование.

Summary

Andrushchenko E.A. “The past, the present, the nonexistent...” (“The House of the Turbins” by V. Nekrasov).

The article analyses “The House of the Turbins” by V. Nekrasov, which contains lots of essay traits. It is found out that the form of the usual autobiographic style has also been updated with literary and architectural observations, as well as indirect criticism of the modern reality, which is opposed to the world of Bulgakov’s play.

Keywords: essay, myth, autobiographic style.